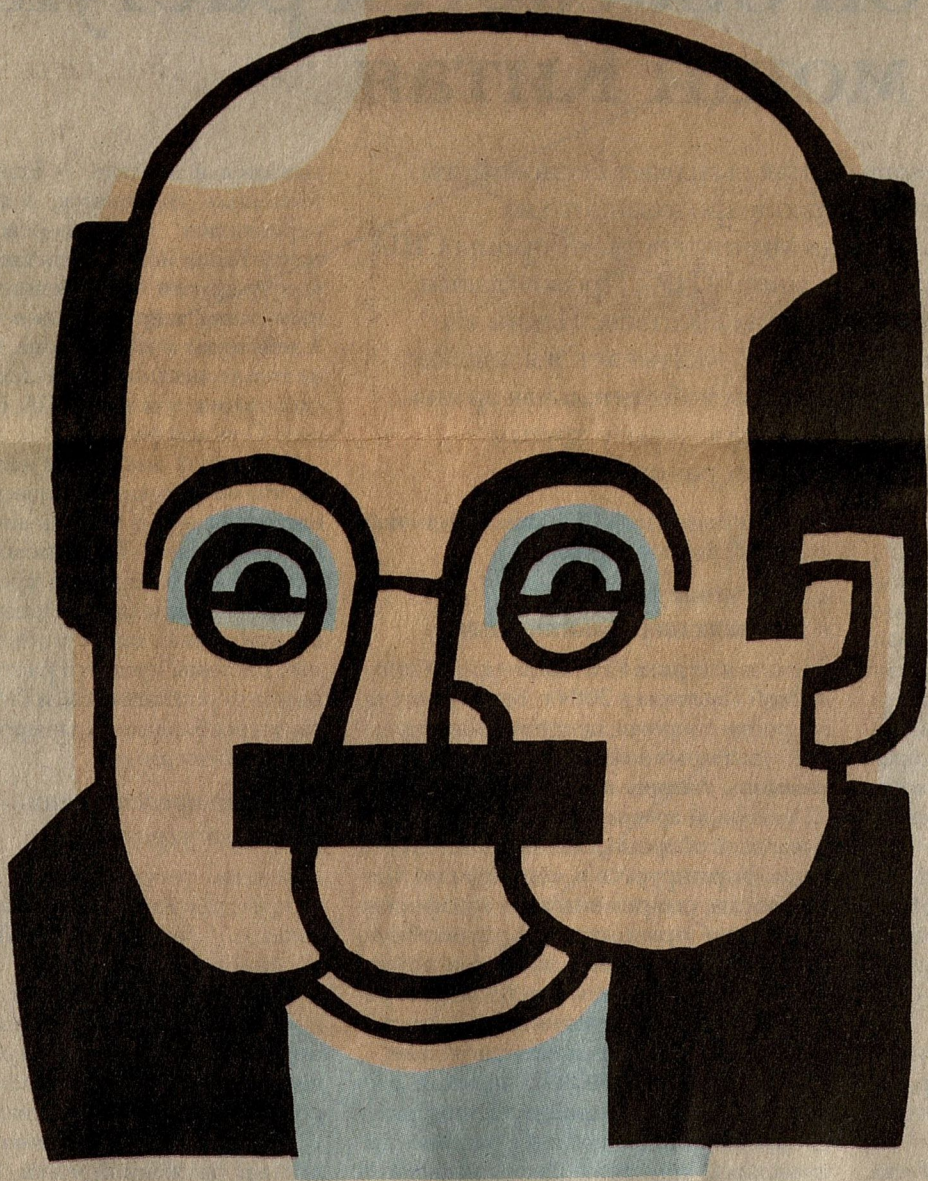

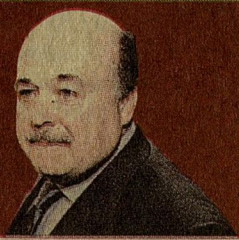
издается - 2005 - 26 июля - с. 6.

«Пусть кто-то назовет это цензурой...»

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

**АЛЕКСАНДР
КАЛЮГИН**

председатель
Союза
театральных
деятели РФ

Сегодня все чаще и чаще раздаются тревожные голоса о том, что в нашей стране вновь воцаряется цензура. Правда, слышны и иные голоса, настойчиво повторяющие, что при беспределе, который сегодня существует, цензура необходима. Признаюсь, меня одинаково беспокоят и те, и другие. И не потому, что я, как и любой здравомыслящий человек, естественно, против цензуры — но и против той свободы, которая обернулась разгулом и вседозволенностью. Пугает то, что я не вижу серьезных попыток проанализировать причины возникшей ситуации и спрогнозировать ее последствия.

Мне кажется ошибочным (а чаще всего так и делается) решать вопрос о цензуре с позиции отношения к советской власти. «В СССР действовала цензура, но зато не было желтой прессы, порнографии на сцене и т.д.», — рассуждают одни. «Пусть даже такой ценой, но зато завоеваны демократические свободы», — доказывают другие. Хотя понять, почему берется именно эта точка отсчета, можно: слишком мало прошло времени, слишком многое мы пережили, слишком много людей помнят, в каких чудовищных формах действовала цензура в Стране Советов.

Но давайте хоть ненадолго перешагнем через советские годы нашей истории и окажемся в дореволюционной России, о которой, как о мертвых, сейчас можно говорить или хорошо, или ничего. Тем не менее в царской России действовала жесточайшая цензура, имя графа Бенкендорфа как душиителя великого русского поэта нам знакомо еще со школы. Примеров из истории русской литературы множество — всем известно, что были запрещены «Маскарад» и комедия «Горе от ума», случайно был разрешен «Ревизор» и т.д. Так вот, цензура, возникшая в России в начале XVIII века, просуществовала до Февральской революции. В новой уже стране она появилась только в 1922 году, когда был создан Главлит.

Таким образом, революция уничтожила цензуру, а возникла она вновь, когда победившей власти понадобилось идеологическое оружие. Революционные преобразования нашего времени тоже уни-

чтожили цензуру, но сегодня при господстве рыночной идеологии появилась цензура рынка.

Недавно на заседании секретариата Союза театральных деятелей России кто-то из региональных руководителей показал мне, скажем так, весьма неприличную картинку, оказавшуюся афишкой спектакля «Чайка». Было сделано несколько копий, и солидные люди, посмеиваясь, как школьники, стыдливо передавали друг другу, смешно сказать, афишу к великой чеховской пьесе. Почему возникла такая афиша? По-моему, ответ прост: в условиях рынка надо «продать» спектакль, а в такой «упаковке», как кажется его «производителям», это сделать легче.

Вроде бы ничего страшного, подумаешь, выпустили «рекламную» афишу, но ведь это афиша государственного театра и подписана она учредителем! Учредителем, который должен отстаивать интересы театра — но и зрителей города. Мне кажется, что существующая сегодня политика невмешательства может обернуться серьезными последствиями для развития общества.

**Необходимо,
чтобы художники
осознавали свою
ответственность
перед обществом,
а государство понимало,
что в его задачи входит
обеспечение прав
на свободу высказывания**

По такой же схеме — от идеологической цензуры к рыночной — развивается жизнь и в других странах бывшего соцлагеря. О том, что угроза для свободы слова перекочевала в экономическую сферу после того, как удалось ликвидировать государственную цензуру, недавно заявил и вице-президент Союза журналистов Польши Ежи Киселевский. Конечно, можно предположить, что мы все болеем одной болезнью под названием — «переходный период», который скоро пройдет, но как мы из него выйдем — с потерями или приобретениями, — зависит от нас.

Я думаю, что как раз в этот период на уровне государства необходимы рычаги управления рыночной стихией, вторгшейся в область культуры. Пусть кто-то назовет это цензурой, я не боюсь таких обвинений. Нельзя из-за страха показаться ретроградом, допускать то, что во

все времена и во всех странах называется глумлением над моралью общества.

Мы все время озираемся на демократические страны и сетуем, что, дескать, в нашей стране никогда не будет такой же свободы. Но почему-то президент США Буш счел возможным в самой демократической стране мира, как мы часто ее называем, подписать закон, разрешающий производителям бытовой видеоаппаратуры устанавливать в нее специальные электронные фильтры, позволяющие автоматически «вырезать» сцены насилия, секса, нецензурную лексику. Во Франции на уровне Государственного совета — высшей административной инстанции в стране — был запрещен фильм «Трахни меня» для показа тем, кому еще не исполнилось 18 лет.

У меня эти факты государственной цензуры вызывают только уважение. На мой взгляд, они свидетельствуют: государство не закрывает глаза на то, что происходит в обществе, а реагирует на негативные явления, контролирует их, пусть даже в форме цензурных запретов, тем самым проявляя заботу о здоровье нации.

Что мне кажется важным?

Прежде всего, чтобы в нашем обществе начал действовать некий *гласный* договор о том, что можно, а что нельзя. Тогда и могут возникнуть самоцензура, самоконтроль, саморегулирование. Если бы в стране сложилось такое гражданское общество, которое без подсказки сверху решало бы, что отвечает нашим интересам, а что им мешает, не было бы, с одной стороны, такого натиска массовой культуры, а с другой, не возникало бы желания остановить этот поток путем введения цензурных запретов. Какое-то движение в этом направлении уже началось, по-моему, первым таким шагом можно считать встречу руководителей телевизионных каналов с депутатами Государственной думы, на которой была принята договоренность вроде бы о вещах очевидных — нельзя пропагандировать национальную вражду, насилие, порнографию. Действительно и так ясно, что нельзя, но эти слова необходимо было произнести вслух, и, слава богу, что это было сделано.

Необходимо, чтобы художники осознавали свою ответственность перед обществом, а государство понимало, что в его задачи входит обеспечение прав на свободу высказывания.

Я против идеологической цензуры, отстаивающей интересы правящей власти, но я за активную и продуманную государственную политику, способную оградить общество от посягательств на нравственные основы общества, от действий, оскорбляющих наши патристические чувства.

Калюгин А. А.

26.07.05.